

Глава 7. Война

Двадцать второе июня 1941 года! Во скольких романах и повестях, рассказах и стихах описан этот день и связанные с ним переживания людей! А что помню я о нём? Кто первый сообщил мне страшную весть? Черная тарелка репродуктора или кто-то из соседских мальчишек? Что делал я в тот момент, когда страшное слово «война» проникло в моё сознание? Как воспринял я это известие? Какие чувства владели мной в тот момент?

В памяти моей хранится много событий, часто незначительных, по непонятной причине отложившихся в моем подсознании. А этот день!? Казалось бы, его я должен был помнить до мельчайших подробностей. Ведь помню же я некоторые эпизоды раннего детства. А здесь событие, потрясшее всю страну, и мне не пять и не семь, а девятнадцать лет. Но сколько ни роюсь в закоулках старческой памяти, ничего в ней не нахожу. Если же иногда и появляется какой-либо смутный образ, то, подумав, понимаю, что он связан не со мной лично, что об этом я где-то читал, что-то слышал. В многообразии образов и идей, почерпнутых в художественной и исторической литературе, безнадежно затерялись мои личные ощущения, чувства, мысли, связанные с первым днем войны.

А события развивались стремительно и совсем не так, как все мы ожидали. Войска отступали, причем так стремительно, что это походило на бегство. Все ожидали выступления Сталина, а он молчал. Только третьего июля мы услышали его обращение: «Братья и сёстры...». Впервые, как мне казалось, он говорил по-человечески, обращаясь к гражданам своей страны, как к равным. И в этот момент, слушая его, я готов был многое понять и простить.

Вскоре я получил повестку и направился на призывной пункт. Размещался он в бывшей церкви за главпочтамтом, в котором когда-то работала Ляля. Перед церковью площадь. В дореволюционное время, в дни богослужений она, как вспоминали старики, наполнялась толпами богомольных горожан. В советское время, после закрытия церкви, площадь опустела. Лишь редкий прохожий пересекал её, направляясь либо на почту, либо на малярийную станцию. Теперь же площадь вновь была полна. Люди толпились кучками: мужчины, женщины, кое-где дети. Но больше всего молодёжи. Некоторые уже остриженные, с вещевыми мешками. Здесь же машины, подводы.

В самой церкви народу еще больше. В основном военные и призывники. В центре, где когда-то находился алтарь, карта с красными флажками. По углам, под иконами святых, столы. За столами военные с красными повязками на рукавах. Под гулкими церковными сводами равномерный шум голосов. С амвона усатый старшина хриплым голосом выкрикивает списки формируемых подразделений. С трудом нашёл нужный мне стол. Сдал повестку. Всё! Теперь оставалось только ждать вызова. Раньше я всегда мог рассчитывать на посильную помощь родных и близких, во всяком случае, на их моральную поддержку. Теперь же я остался один на один со своей неумолимой судьбой. Вокруг полно народу, но ни одного знакомого лица. Все сосредоточены на своих проблемах. Никому нет дела до меня, моих ощущений и переживаний. Острое чувство одиночества, одиночества на людях, впервые овладело мной. Потом оно приходило ко мне не раз. Жизнь безжалостно рвала пуповину, связывающую меня с прошлым, с семьёй.

Медицинская комиссия. Очередь голых мужчин и мальчишек медленно продвигается от стола к столу. За столами военные в форме, врачи, в основном женщины, молоденькие медсестры в белых халатиках. Их беззастенчивые, оценивающие взгляды, обшаривающие нас с головы до ног, приводят в трепет. А отрывистые короткие команды: «откройте рот», «обнажите десна», «опустите руки», «нагнитесь», «раздвиньте ягодицы» - заставляют вспомнить торговлю рабами. Кто-то из очереди пытается остричь, но большинство подавленно молчит, стараясь руками прикрыть по возможности большую часть своего тела. Сколько раз впоследствии в тюрьме и лагере я проходил эту процедуру, часто в форме еще более унижительной и беспощадной. Но это было там, за колючей проволокой. Здесь же, на воле, это был первый удар по моему человеческому достоинству.

И вот, наконец, остриженные под ноль, с вещевыми мешками, в гражданской одежде и обуви идем мы длинной серой колонной по центральной улице Тамбова. Идём, не соблюдая шага. По тротуару, параллельно с нами, движется толпа провожающих. Раздаются выкрики, последние наставления и пожелания. Кто-то плачет, кто-то пытается играть на гармошке, но на него шикают - он мешает общению. В районе кинотеатра «Авангард» замечаю маму, Эрночку и Лялю. Они машут. Показывают руками, чтобы я писал. Наконец поворот, идем в сторону городского моста. Потом полем, хорошо известной, много раз хоженной и езженной дорогой к лесу. Погода прекрасная. На ходу знакомимся. Идти веселее. Вскоре узнаем, что ведут нас в Рассказово. Это почти 30 км пешего пути,

в основном лесом. Пройдя примерно половину, останавливаемся в какой-то деревушке на ночлег. Дополнив сухой паёк прихваченной из дому провизией, едим кто в одиночку, а кто компанией. Спим в назначенных нам избах, на половиках. Хозяева не очень-то гостеприимны. Покрикивают на дочек, выглядывающих из-за перегородки. На следующий день приходим в Рассказово. Здесь формируется не то полк, не то дивизия. Городок маленький. Сутолока, неразбериха. Получить паёк - проблема. На второй день вместе с несколькими попутчиками – «однопольчанами» решил «сбегать домой», дозаправиться провиантом и ещё раз повидаться с родными. Вечером двинулись пешком в Тамбов. Шли лесом, не выходя на дорогу, смутно осознавая грозящую нам опасность. Домой пришли глубокой ночью. В доме переполох. И радость неожиданной встречи, и страх разоблачения. Петя, обозвав меня идиотом, ушёл из дома, предупредив, что вернется только тогда, когда я буду снова в Рассказово. Утром мама что-то напекла, и я с вновь обретенными товарищами направился в обратный путь. Счастье нам сопутствовало. Благополучно миновав посты, мы после обеда, совсем измученные, пришли в Рассказово. Хозяева, ничего не знавшие о нашей отлучке из города, сообщили, что меня с утра разыскивает комендатура. С трясущимися ногами вошел я в указанный мне кабинет. Высокий военный чин - в званиях я тогда не очень разбираюсь - встретил меня вопросом: «Как вы здесь оказались?» и потребовал, чтобы через 24 часа моей ноги в Рассказово не было. Хорошо помню содержание врученной мне для тамбовского военкомата бумаги: «Возвращается в ваше распоряжение военнотобязанный Майер Роберт Адольфович, ввиду невозможности использования его в формируемых мною воинских частях». А ниже - размашистая подпись и гербовая печать. Не без основания решив, что связано это с моей национальностью, я, раздав ребятам всё, что принес из дома, в тот же вечер, теперь уже легально, не боясь никаких проверок, отправился в Тамбов.

Потом длительное время мы с Петей ежедневно ходили на призывной пункт. Ожидали отправки в трудармию, куда к тому времени уже отправили из действующей армии всех военнотобязанных немецкой национальности, а также работоспособных мужчин и женщин из Немповолжья старше 16 лет. Наконец Петю отправили, а меня нет. Сказали, чтобы я шел в институт и учился, что при необходимости меня вызовут.

Начались будни военного времени: получение карточек, стояние в очередях, заготовка на зиму не дров (они для большинства тамбовчан стали недоступными), а хвороста и сосновых шишек.

Взметнувшиеся на рынке цены заставили искать какой-нибудь приработок.

А на фронте дела шли из рук вон плохо. Красные флажки, отмечающие расположение войск, продолжали неуклонно смещаться на восток.

В первых числах сентября до нас дошли слухи о выселении немцев, проживающих в Поволжье. Слухи были противоречивыми и в чем-то почти невероятными. Говорили, что в районах проживания русских немцев фашистские войска выбросили десант, который был поддержан местным населением, что Советская Армия разгромила предателей и теперь всех советских немцев, как шпионов и предателей, не то расстреляют, не то вышлют в Сибирь на каторгу.

Слухам верили. Высадка десантов - прием, часто использовавшийся немецкой армией. С помощью таких десантов в 1940 году была захвачена Норвегия. Сомнения у нас вызывало лишь утверждение об активной поддержке советскими немцами высадившегося десанта. Ведь все мужчины и большинство женщин старше 16 лет были мобилизованы в трудармию. В немецких сёлах, так же, как и в русских, оставались старики и дети. Не очень верилось, чтобы хозяйственные трудолюбивые колонисты взрывали и поджигали военные объекты, расположенные на территории их республики.

Потом приехавшие из Саратова знакомые под большим секретом рассказывали, что в Поволжье ходят слухи, что десант был ложным, из переодетых красноармейцев, для проверки лояльности колонистов, и что немцы их не выдали. Другие, наоборот, утверждали, что ложных десантников выловили немецкие крестьянки, и чуть было, не закололи вилами, что выручили «десантников» подоспевшие части НКВД.

Слухи множились и дробились, принимая самые невероятные формы. Как стало известно позже, в их основе лежал указ, принятый Президиумом Верховного Совета СССР 28 августа 1941 года о переселении немцев, проживающих в районах Поволжья. Решение мотивировалось тем, что «по достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселённых немцами Поволжья». Далее в Указе говорилось: «О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям

не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов Советского народа и Советской власти. В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в республике немцев Поволжья или в прилегающих районах случится кровопролитие, Советское Правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего (выделено мною - Р.М.) немецкого населения Поволжья.»

Далее в указе говорилось, что: «Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьёзных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землёй и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах».

Для расселения выделены изобилующие пахотной землей районы Новосибирской, Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности. «В связи с этим, - говорилось в Указе, - Государственному Комитету Обороны предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселяемых немцев Поволжья землей и угодьями в новых районах». Указ подписал Председатель Президиума Верховного Совета М. Калинин и секретарь Президиума А. Горкин.

С этим текстом Указа я ознакомился только в годы «оттепели». Во время же его принятия он был по существу секретным, предназначенным в основном его исполнителям и в открытой печати не публиковался. Поэтому мы в то время знали только о существовании Указа и последствиях его реализации. И здесь многое поражало. Выселяли по чисто национальному признаку, выселяли поголовно всех - от только что родившихся младенцев до умирающих от дряхлости стариков. Исключения допускались только по отношению семей, главами которых являлись русские. На сборы давались 24 часа. Отправляли в товарных (телячьих) вагонах под усиленной охраной. Брать с собой разрешали не более 50 кг личного имущества на одного выселяемого. Лишнее отбирали охранники тут же у вагонов. Куда везли, зачем и на сколько, не сообщали. А впереди зима, а на руках перепуганных матерей грудные дети. В дороге переселенцев кормили и охраняли как заключённых. По прибытии к местам назначения старались распределить по деревням небольшими группами. Местные колхозники развозили измученных, истощённых людей по своим деревням.

Что за немцев прислали - никто не знал, но ребяташки кричали: «Фашистов привезли, фашистов!».

Как теперь стало известно, всего из Немповолжья и Саратовской области было выселено 423 тысячи человек (93 тысячи семей). Из них в Красноярский край - около 75 тыс. человек, в Алтайский край - около 95 тыс. человек, в Омскую область - 85 тыс. человек, в Новосибирскую область - 100 тыс. человек, в Казахстан - 125 тыс. человек. Для проведения операции было задействовано 1450 сотрудников НКВД, 3000 работников милиции, 9650 красноармейцев.

Благоустроенные и ухоженные немецкие деревни и села Поволжья опустели. В хлевах мычали не доенные коровы, блеяли не кормленные овцы, а по ночам, тоскуя по хозяевам, выли собаки. Через несколько дней в эти места хлынули толпы беженцев с Запада. Для них все здесь было чужим. Им надо было, что-то есть, чем-то топить печи. И вырубались сады, забивался скот, растаскивалась утварь, поля заросли сорняками. Республика Немцев Поволжья перестала существовать.

В целях моего повествования необходимо проследить судьбу немцев, волей судеб попавших в Красноярский край. Многих из них в 1942 году с июня по сентябрь вывезли под конвоем на Енисейский Север. Везли в трюмах и на палубах лихтеров и барж, в страшной тесноте и антисанитарных условиях. Везли женщин, детей и стариков. Мужчины находились в трудармии. Высаживали на пустынные, часто безлюдные берега Енисея, на острова. Здесь выселенным пришлось начинать буквально с нуля, на чистом месте, голыми руками. Жили в землянках и лачугах, сараях и палатках, на чердаках и складах, без теплой одежды и обуви, на голодном рационе, без света, тепла, медицинского обслуживания, в полной изоляции от родственников, от мира, без радио, газет и книг. Все, от мала до велика, находились под надзором комендатуры НКВД. Многие не знали русского языка, а на родном им запрещали общаться. Немки, в большинстве своем привыкшие к земледельческому труду, теперь, чтобы выжить, были вынуждены строить землянки, заготавливать дрова, ловить и обрабатывать рыбу. Вихрь событий тех дней увлек и всех оставшихся в живых братьев и сестер моего отца. Все они были направлены в самые глухие места Новосибирской области и погибли там.

Процесс выселения немцев за пределы Поволжья в средствах массовой информации не освещался. В сети политпросвещения, ни на каком уровне не обсуждался. Наконец, людям, которых этот процесс не затронул, в условиях страшной войны было просто не

до него. Об истинных мотивах принятого решения можно было только догадываться. Вряд ли в его основе лежала боязнь повторения событий, произошедших в Австрии и Судетах, население которых при проведении плебисцита высказалось за присоединение к Германии. Трудно также предположить, что авторы указа действительно верили в то, что республика Немцев Поволжья наводнена десятками тысяч шпионов и диверсантов. В условиях тотальной слежки, массовых репрессий это было в принципе невозможно, тем более после мобилизации в трудовую армию всего трудоспособного немецкого населения, как мужчин, так и женщин старше 16 лет. То, что огульные обвинения, выдвинутые Указом от 28.8.41 года против лиц немецкой национальности, проживавших в Поволжье, были необоснованными, было признано специальным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28.8.64 года «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28.8.41 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»».

Верно, что выселялись и направлялись в трудармию не только немцы, но им было труднее, чем лицам других национальностей, к ним отношение было иное, особенно со стороны тех людей, у которых погибли на фронте родные и близкие. Многие считали советских немцев пособниками фашистов. Усиливала враждебность массовая агитация и особенно статьи И. Эренбурга, одна из которых, опубликованная в «Правде», прямо призывала: «Убей немца!». Не фашиста, а именно немца!

19 мая 1942 года вышел дополнительный указ о переименовании районов и населённых пунктов бывшей Немреспублики. Прошрое выскребалось, стиралось. Над названиями особенно не задумывались: была Привальная, значит - Привольное, Починная - Подчинная. Бальцер стал Красноармейском, Гнаденфлюр превратился в Первомайск, Экгейм - в Комсомольское и т.д. В библиотеках уничтожалось всё написанное на немецком языке: книги, газеты, журналы, карты, альбомы и прочее. В огне погибли уникальные издания XVIII - XIX веков. Пощады не было.

Естественно, что в этих условиях наша семья со дня на день ожидала выселения. И хотя вскоре стало известно, что из Тамбова и Тамбовской области, где немцев почти не было, выселения не будет, настроение было очень плохим.

Первого сентября с началом занятий нас, студентов физмата, направили в один из близлежащих колхозов для оказания помощи в уборочной. В деревне оставались только старики и дети. Помощь студентов в таких условиях была действительно необходи-

ма. Но и среди нас были преимущественно девушки. Парней раз-два и обчелся. Работали на уборке зерновых. Работали с утра и до позднего вечера. Один раз в две недели по графику нас отпускали домой помыться и переодеться. Одна из таких поездок мне запомнилась. Возвращались из города в колхоз Извеков с Инессой, Божев с подружкой, я и еще одна девушка с нашего факультета, но не из нашей группы. Ни фамилии, ни имени её я теперь не помню. Вышли поздно вечером, надеясь к утру быть на месте. Дорога шла полем. Быстро темнело. Идти стало трудно. Решили дождаться восхода луны. Расположились у большого стога сена, укрывшись за ним от холодного ветра. Перекусили. У Божева, как обычно, оказалась бутылка вина. Все, кроме меня, выпили. Покрытковав меня за нежелание поддержать компанию, Божев и Извеков со своими подружками куда-то исчезли, благо, стогов сена поблизости было немало. Мы с моей попутчицей остались одни. Было холодно, а я был в рубашке, и меня стала трясти дрожь. Поймав мои руки, она воскликнула: «Холодные как лед, давай согрею», и засунула их себе за пазуху. Воцарилась неловкая пауза. «Почитай стихи, мне так нравится, как ты их читаешь», - прервав затянувшееся молчание, попросила она. И вот я сижу, вдавленный в стог, она почти что у меня на коленях. Руки прижаты к её теплым, упругим грудям. Читаю стихи. Читаю торопливо, проглатывая слова и слюну. Читаю, а сам думаю о Рите Конюховой и о своём предательстве по отношению к ней, но выдернуть руки и прервать блаженство не могу. Прошло не менее получаса, прежде чем взошла луна и появились Извеков с Божевым. Наваждение кончилось, мы даже не поцеловались. Потом в душе я пытался гордиться своей выдержкой, но понимал, что скорее всего это была трусость и, возможно, своим поведением я оскорбил девушку.

А на фронте, несмотря на отдельные успешно проводимые контратаки и массовый героизм солдат, дела в целом шли по-прежнему плохо.

В середине сентября немецко-фашистские войска, прорвав оборону на рубеже реки Луги, подошли вплотную к Ленинграду и блокировали его. Двадцать первого сентября наши войска, попав в окружение, оставили Киев и стали с боями прорываться на Харьков. А в самом конце сентября, когда мы уже вернулись из колхоза и приступили к занятиям, началось наступление немецко-фашистской группы армий «Центр» на Москву. Наступали из районов южнее Брянска и севернее Смоленска. Когда немецкие войска заняли Елец, и до Тамбова осталось менее двухсот километров, начали рыть окопы и траншеи. Каждому студенту за участие в

строительстве оборонительных сооружений в столовой полагалась дополнительная бесплатная порция саламата - затерухи из ржаной муки. В самом городе во дворах учреждений и частных домовладений рыли «щели» - укрытия от возможных бомбёжек. На стекла окон клеили полоски бумаги. Ужесточились требования к светомаскировке. Формировались отряды по тушению зажигательных бомб. Город жил тревожным ожиданием.

В начале октября в институт какими-то неведомыми для меня путями поступила уникальная по тем временам калориметрическая установка. Ходили слухи, что попала она к нам по ошибке при эвакуации из Ленинграда какого-то научно-исследовательского института, но какого – никто не знал. Пользуясь случаем, Артёмenco оборудовал на факультете теплотехническую лабораторию для изучения теплотворной способности различных местных пород древесины и торфа. К работе привлёк нескольких студентов, в том числе и меня. Забросив все остальные дела, с увлечением занялся новым делом: дробил доставляемые образцы древесины, сжимал их под прессом в специальные брикеты с заделанными в них никелиновыми проводками. Взвесив на аптечных весах все компоненты, закреплял концы проводочек на токопроводящих стержнях, укреплённых в крышке толстостенного, покрытого изнутри, как говорилось в инструкции, слоем платины (не в этом ли была уникальность установки?) стального калориметрического стакана (калориметрической бомбы). Затем, налив в него небольшое, точно отмеренное количество воды, специальным рычагом до упора завинчивал крышку. Заполнив «бомбу» под давлением кислородом и подведя провода зажигания, опускал её бережно, как ребёнка, в систему наполненных водой цилиндров.

И вот торжественная минута. Сажусь в высокое, вращающееся кресло, включаю самописцы, кладу руку на ключ зажигания. Поворот! И вздрагивают стрелки, дергаются перья самописцев, фиксируя волну теплоты, распространяющуюся по установке и захватывающую сосуд за сосудом. А я в белом халате, а рядом Рита Конюхова, которую Артёмenco привлёк для обработки материалов. И в этот момент не существовало для меня ни войны, ни голодных очередей, ни ночных костров, ни ожидания бомбёжек.

В середине октября в институте появился профессор Каган Вениамин Федорович, известный русский геометр, специалист по основаниям геометрии и особенно геометрии Лобачевского. Прибыл он из Ленинграда как эвакуированный. Возраст преклонный, лет 66-70. Невысокий, коренастый, с усами и бородкой, как у Чехова. Волосы с сильной проседью. Носил тройку. Жилет всегда

тщательно застёгнут, галстук в полоску. В Тамбов он приехал то ли к дочери, то ли к сестре. В нашем институте читал старшекурсникам дифференциальную геометрию и основания геометрии, а для преподавателей и аспирантов - курс тензорного анализа. Курс оснований геометрии читал неторопливо, размеренно, с глубокими историческими экскурсами и очень подробно. Помню, как переживал я, когда, вытерев доску и пытаясь положить тряпку на несуществующий бортик доски, он ронял её на пол. Никто из студентов, сидящих в первых рядах, не спешил ему на помощь, и он с явным трудом нагибался, чтобы её поднять. И это повторялось неоднократно, пока, наконец, бортик не прибили. Курс тензорного анализа для преподавателей он читал совсем по-другому, опуская выкладки и сосредоточиваясь на приложениях.

С первых дней его появления в институте я старался не пропустить ни одной его лекции, особенно по основаниям геометрии. Для этого мне приходилось пропускать какие-то из своих, изучаемых на втором курсе, занятий. Пропуски математических курсов мне прощались. Хуже было с общественными и педагогическими дисциплинами. Особенно возмущались преподаватели общественных дисциплин. Масла в огонь подлил В.Ф. Каган. Где-то на втором или третьем занятии, обращаясь с вопросами к аудитории (это было на четвёртом курсе) и получая от меня правильные ответы, он начал безуспешно искать в журнале мою фамилию, чтобы выставить надлежащую оценку. Выяснив, что я студент второго курса, он, побеседовав со мной после занятий, предложил участвовать в работе своего семинара по тензорному анализу. Я старался изо всех сил. Забросил все другие дела: теплотехническую лабораторию, астрономическую площадку, радиоклуб.

Вечера я проводил у Вениамина Федоровича дома, помогая делать выписки и какие-то чертежи. Мне казалось, что он доволен. Во всяком случае, как мне рассказал Артёменко, на одном из заседаний Ученого Совета, когда обществоведы стали возмущаться моим пренебрежительным отношением к истории партии, Вениамин Федорович подал реплику, смысл которой заключался в том, что делать мне на втором курсе нечего, что нужно немедленно перевести меня на индивидуальный план работы. Это переполнило чашу терпения обществоведов, и они добились специальной записи в решении совета, обязывающей декана навести порядок и добиться, чтобы я не пропускал занятий. В ответ на это решение я на лекциях по истории ВКП(б) и педагогике начал демонстративно читать газеты, раскрывая их на полный разворот. На семинарах же придирался к каждой неточности или упрощенной трактовке

вопроса. Делать это было совсем нетрудно, так как в подлинниках изучались только произведения В.И. Ленина и И.В. Сталина, а также некоторые работы К. Маркса и Ф. Энгельса.

В октябре военные действия на фронте стали особенно ожесточёнными. Одновременно с наступлением на Москву немцы начали наступление на Донбасс и Крым, а 16 октября перешли в наступление и на Тихвинском направлении с целью окружения Ленинграда. Но победы им доставались всё труднее. Оправившись от первых ударов, наши войска стали оказывать всё более серьёзное сопротивление. Сказывалось и действие секретного приказа, в соответствии с которым были введены штрафные батальоны и заградительные отряды.

Поток раненых нарастал. Все больницы Тамбова были переполнены. Вскоре и корпус института заняли под госпиталь, а сам институт перевели в помещение какого-то техникума. Трёхэтажное здание на центральной улице города. Узкие коридорчики, переходы. Кабинет ректора на первом этаже, актовый зал - на третьем. Около него небольшая комнатка. В учебное время в ней шли занятия иностранным языком. По вечерам в субботние и праздничные дни она превращалась в радиорубку, в которой я крутил пластинки. В этих случаях «у меня» раздевались и переодевались ближайшие товарищи: Извеков с Инессой, Сажин, Божев, Печёнкина и Рита Конюхова. Я все еще делал вид, что равнодушен к ней, а она, конечно, догадывалась. Здесь же часто играли в шахматы. У меня в то время был второй разряд. Основным моим соперником был Яковлев, студент третьего курса, перворазрядник и чемпион института по шахматам. Вскоре я понял, что он соперник не только в шахматах, что объектом его особого внимания была Рита. Наши встречи с ним за шахматной доской стали для меня невыносимыми. Раздражало всё. И небрежность, с которой он делал ходы, и длинные тонкие пальцы, как-то особенно артистично берущие фигуры, и высокомерные поучающие реплики.

С середины октября над Тамбовом стали появляться фашистские самолёты. Прилетая откуда-то с юго-запада, они с противным, давящим гулом, как бы не замечая города, пролетали над ним, уходя на северо-восток. Потом, сбросив где-то свой смертоносный груз, возвращались назад. В конце октября один из таких самолётов, по-видимому, возвращавшийся с задания и не истративший боевой комплект, сбросил на Тамбов три бомбы. Одна из них взорвалась на Лермонтовской, метрах в пятистах от нашего дома. Страшно было смотреть на родителей, прибежавших к детям и обнаруживших вместо дома глубокую воронку.

После ухода Пети в трудармию все мы вновь стали питаться вместе. Работала одна Эрночка. Мама получала мизерную пенсию, я - стипендию. Кроме нас троих, была Лиза и ребяташки: Гольди и Адя. Все, кроме нас с Эрночкой, получали иждивенческие карточки, обеспечивающие лишь самый минимальный уровень существования. Много времени и энергии требовал сам процесс их отоваривания. Очереди были огромными, их занимали с вечера, дежурили ночи напролёт, греясь у костров. По закону хлеб можно было выкупать на три дня вперёд, что многие поначалу и делали. Но потом, быстро съев полученный хлеб, начинали ходить в магазин ежедневно. Некоторые предпочитали отоваривать хлебные карточки мукой. Мама тоже иногда пекла лепёшки, заменяя отсутствующее масло, как когда-то в голодные годы, накалённой на сковороде крупной солью.

Хлебные карточки были разного цвета. Если не ошибаюсь, у рабочих - красные, у служащих - синие, у иждивенцев - жёлтые. Так как стоявшие в очереди старики и старушки чаще всего отоваривали карточки сразу на несколько человек, то очередь двигалась очень медленно. Получив от очередного покупателя пачку карточек, продавщица, убедившись в подлинности последних, сортировала их по цвету, после чего, вооружившись ножницами, вырезала на каждой из них квадратик с соответствующей датой. Вырезанные квадратики «гасила» крестиком. Потом под внимательным и критическим взглядом покупателя отвешивала положенные порции (пайки). Редко кто соглашался получать общим весом. Порции же были маленькими, от трехсот до шестисот граммов. Отрезать точно нужный вес удавалось редко. Появлялись довески. Чтобы их не перепутать, каждую порцию клали в отдельную сумочку или заворачивали в тряпочку. Потом начинался расчет деньгами. При этом за каждую порцию предпочитали рассчитываться отдельно. В результате те, кто не занимал очередь с вечера, рисковали так и не добраться до прилавка.

Получение по карточкам сахара, крупы и подсолнечного масла было ещё более сложным делом. Отоваривались эти продукты чаще всего один раз в месяц в разных магазинах: сахар в одном, крупы в другом, а жиры в третьем. Очереди насчитывали не одну сотню человек и, извиваясь, тянулись по тротуарам, вдоль домов, огибая угловые здания и сворачивая на соседние улицы. На всю жизнь запомнилась мне одна из таких очередей. Отоваривали сахарные карточки, кажется, за ноябрь месяц. Огромный двор, ограниченный какими-то домиками, сараями, заборами. В одном из сараев окошко. Через него и идёт процесс отоваривания. Вдоль са-

рая обледеневший вал снега. Чтобы дотянуться до окошка, те, кто пониже ростом, вынуждены взбираться на сугроб, а он крошится и распадается. На середине двора старая, уже не действующая водонапорная башня. Очередь тянется по периметру двора, а затем, оторвавшись от последнего из домиков и огибая башню, начинает петлять, заполняя собою двор. Посмотреть со стороны - толпа. Что бы не потеряться, каждый крепко держится за стоящего впереди. Меня сзади за хлястик держит какая-то пожилая женщина. Впереди девушка, лица которой я не вижу, но фигурка мне нравится. Хочется, следуя примеру других, обнять её. Но сделать это не решаюсь, не хватает смелости. Очередь движется очень медленно, следуя своим собственным изгибам. Я больше для вида пытаюсь читать какую-то книгу. И вдруг очередь приходит в быстрое движение. Все удивляются, пытаются выяснить, что происходит, ругаются, но остановиться не могут. И в этот момент откуда-то из всеобщей сутолоки появляется обрубок очереди, начало есть, а конца не видно. Во главе обрубка крупная, смахивающая на мужика, баба. Она обхватывает талию бегущей впереди меня девушки, и вот уже я оказываюсь во главе вновь образовавшегося обрубка. Некоторое время продолжаю бежать параллельным курсом. Следующая за мной женщина яростно колотит меня по спине, требуя восстановить справедливость. Насилу отбившись, выбираюсь из толпы. В этот день выкупить сахар так и не удалось.

Зимой на фронте произошёл, наконец, перелом. Начавшееся 16 ноября генеральное наступление гитлеровцев на Москву к началу декабря выдохлось на ближних подступах к столице. Утром 5 декабря 1941 года ударом войск левого крыла Калининского фронта началось контрнаступление советских войск под Москвой. 6 декабря перешли в наступление войска Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов. В состав этих войск на главных направлениях были введены стратегические резервы. К концу февраля 1942 года немецко-фашистские войска были отброшены с большими для них потерями на 350-400 километров на запад от Москвы. Народ вздохнул с облегчением. Стало ясно, что фашистов можно бить и бить «по крупному», что их план «молниеносной войны» потерпел крах.

Зимнюю сессию я сдал без четвѐрок, даже по истории ВКП(б). Но особенно гордился я пятѐркой, которую по основаниям геометрии на 15 странице зачѐтной книжки (за 7 семестр) выставил мне В.Ф. Каган. Артеменко выдвинул меня кандидатом на получение сталинской стипендии.

Зимние каникулы прошли в домашних заботах и тревогах. Эрночке грозило увольнение. Поговаривали, что её могут выслать в Сибирь. А оттуда стали уже поступать письма родных с описанием всех ужасов переселения. Пришло письмо и от Пети. Он настойчиво рекомендовал Эрночке с ребяташками ехать к его отцу, который после выселения оказался в селе Сарбалык Новосибирской области. Начались сборы. С Эрночкой решила ехать и Лиза. К обсуждению этого решения возвращались многократно. Эрночка вдруг заговорила Петиным языком: «Мы должны быть вместе с нашим страдающим народом». Мы с мамой не были готовы на такое «самосожжение». Нам казалось, что с отъездом Эрночки и Лизы завершится процесс разрушения нашей семьи. Ляля с Аликом, которому только что исполнился год, жила со свекровью в Даниловке и преподавала там немецкий язык в 5-7 классах. И хотя жизнь её была не из легких, особенно если учесть вздорный характер Софьи Владимировны, которая на дух не выносила нашу семью и Лялины интеллигентские привычки, надежды на то, что она переедет в Тамбов не было никакой. Всё шло к тому, что мы с мамой останемся одни. А ведь ей уже 67 лет. Понимая, что нужен какой-то источник существования, я оформился учителем математики в одну из пригородных школ. Но

Единственная сохранившаяся со студенческих лет фотография. Она с моего студенческого билета

Рита Конюхова

мама этому шагу категорически воспротивилась. Ею владело одно желание, чтобы я окончил институт.

К этим тревогам добавлялись еще мысли о Рите. Они все чаще стали посещать меня. Внешне наши отношения не выходили

за рамки товарищеских. Но встречаться мы стали чаще, Разговоры наши стали более откровенными. Всеми силами старался я раскрыться перед ней. Демонстрировал увлечение поэзией, философией, математикой. Рассказывал о содержании прочитанных книг. Некоторые из них давал прочесть ей. Последней из них была работа немецкого философа-идеалиста Г. Фихте с витиеватым и претенциозным названием: «Ясное как солнце сообщение самой широкой публике о подлинной сущности новейшей философии». Она пыталась их читать и даже спорила со мной по поводу отдельных мест. Яковлев как-то незаметно исчез из моего поля зрения. Наши отношения перестали быть секретом для моих друзей. Дома же ничего не знали. И только где-то в феврале 42 года, обнаружив подаренную мне Ритой фотографию, мама попросила объяснений.

Любил ли я Риту? Наверное любил, но какой-то юношеской, не соответствующей моему возрасту, любовью. Это вызывало неизменные насмешки моих друзей.

Восьмое марта. Женский день. Вечер посвящён этому событию. Доклад; самодеятельность; немного, в соответствии с военной обстановкой, танцев. Много приглашённых военных. Я в радиоузле кручу пластинки. Время приближается к одиннадцати. Надо кончать вечер, время военное. Заходят Извеков с Инессой, Сажин. Одеваются, уходят. Остаёмся мы с Ритой. Мне её провожать. Выключаю аппаратуру. Запираю кабинет. Спускаемся. На вахте сдаю ключ. Застёгиваю подбитое рыбьим мехом студенческое пальтишко. Выходим. На улице неожиданно холодно. Идем рядом, изредка обмениваясь впечатлениями о прошедшем вечере. Делаю робкую попытку взять её под руку и сам пугаюсь. Мороз щиплет уши, вязанный берет совсем не греет. У Риты широкая меховая горжетка, ей легче. Поеживаясь, поднимаю узкий, отороченный полоской бархата воротник. Прижимаю его то к одному, то к другому уху. Идти далеко, разговор не вяжется. Не любовь, а мука. И вот последний поворот, ряд небольших частных домиков, нужна калитка. Собираюсь с мыслями, чтобы такое умное сказать на прощание. И в этот момент Рита, взявшись за уголки воротника и нагнув мою голову, целует в губы. Целует и тут же, не дав мне опомниться, хлопнув калиткой, убегает домой. Это был мой первый поцелуй.

До ареста осталось менее восьми часов...